красных риз не носить, медовые чаши не пить, сладкого куса не есть, умному не быть, в дому господину не слыть, власти не видать, князям милу не быть. не слывати, и господином в дому не бывати и во власти себе не видати, к богу и ко князю и к государю милым не бывати.

Ссылками на св. писание пестрят и обличения кура в грехах. Да и сам кур, оправдывающий себя, вставляет в свою речь немало этих цитат и даже в лирических мольбах о пощаде не миновал литературной реминисценции: словами князя Глеба, обращенными к его убийцам (во всех пространных житиях), он просит лисицу: «не отжени класу неозрелова, не пролей крови неповинныя напрасно» — ср. в житии: «не пожнете класа несозрела, аще ли прольяти кровь мою хощете».[1]

Но рядом с этим, как только тема приближается к бытовым мотивам, автор переходит на разговорную речь. В таком стиле выдержан и рассказ лисицы о злоключениях ее во время голода, и приглашение ее к Крутицкому митрополиту в просвирни. Есть в этой разговорной речи и элементы устной поэтической традиции, вроде выражений — «сахарные уста», «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (ср. пословицы Петр. Гал., № 517 — Библ. Акад. Наук), «По которой реке плыть, по той и славу творить» (Симони, 1, № 2020), но вообще то обстоятельство, что повесть дошла до нас только в списках XVIII в., очень затрудняет детальный стилистический анализ ее. Без особой натяжки к оригиналу XVII в. мы имеем право отнести те чтения, которые согласно повторяют все списки прозаической редакции, а иногда даже и стихотворной и смешанной, в более или менее исправном виде. Что же касается индивидуальных особенностей отдельных списков, то следует с большой осторожностью отнестись к вопросу о древности их. Однако, если даже исключить эти возможно поздние добавления, все же нельзя не заметить, что оригинал повести о куре и лисице уже при самом своем создании оформлялся, так сказать, в двух планах: все то, что раскрывало основной замысел автора — насмешку над представителями официального благочестия — изложено в старой литературной манере, с неизбежной цитацией авторитетных источников, с сохранением старого книжного языка; все бытовые детали повести передаются живой разговорной речью, с характерными для XVII в. элементами устно-поэтического языка.

Такая двойственность языка повести не противоречит предположению, что памятник вышел из среды служилого класса первой половины XVII в.,

[1] С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Киев, 1928, стр. 12.